

Так прошло несколько дней. Придворные интриги по-прежнему будоражили столицу. Шея Дуань Цзинъаня исцелилась, но вот привычка опускаться на колени при виде Дуань Чанчуаня, однажды навязанная силой, так и не исчезла.

А старый лис Бай Яньюань пролежал пьяным дома целых три дня, после чего восстанавливал силы еще ровно неделю, и лишь тогда соизволил вернуться ко двору.

Стоило ему переступить порог и увидеть, как Регент преклоняет колени, у него едва челюсть не отпала.

Короче говоря, в последнее время Дуань Чанчуань жил в свое удовольствие и пожинал плоды победы.

С наступлением второго лунного месяца погода постепенно смягчилась. Стоило скинуть тяжелые меховые шубы, как тело сразу стало легким и невесомым.

План проверить Бай Су, о котором договаривались ранее, всё никак не удавалось воплотить в жизнь, зато парфюмера, с которым был знаком Юнь Се, действительно разыскали.

Весть пришла минувшей ночью, и ранним утром, воспользовавшись тем, что утреннего доклада не предвиделось, Дуань Чанчуань «занемог».

— Кхе... кхе-кхе...

Едва забрезжил час кролика, как из спальни донеслись прерывистые кашляющие звуки юноши.

Голос Чанлэ разрушил неловкость, и оба разом пришли в себя.

К счастью, Чанлэ отличался сообразительностью: заметив, что ему не отвечают, он принялся стучать в дверь с удвоенной настойчивостью.

— Чего шумишь спозаранку?

Словно по условным рефлексом, он потерся лбом о ладонь государя.

— А... хорошо.

Дуань Чанчуань сделал небольшой глоток воды и снова принялся прерывисто покашливать.

— Ваше Величество, Государыня, ваш раб входит.

Спохватившись, что он вообще-то изображает больного, юноша торопливо завернулся обратно в одеяло и продолжил кашлять.

Одеяло на ложе наконец зашевелилось.

Дуань Чанчуань бросил взгляд на постель у окна и слегка засомневался.

Снаружи раздался трепещущий голос Чанлэ:

— Ваш раб услышал, как кашляет Ваше Величество, и испереживался за драгоценное здоровье... Прошу Государыню о милосердии, если потревожил ваш покой.

— В чем дело... Почему ты вдруг закашлялся, простудился? Чанлэ, есть горячая вода? Принеси чашку простой воды, смягчить кашель.

В те дни, когда он делил кров с Бай Су, он всегда умывался сразу после пробуждения. Хотя Чанлэ и был евнухом, оставаясь мужчиной, Дуань Чанчуань никогда не позволял ему заходить в спальню, пока Бай Су не встанет.

— Давай я помогу тебе подняться, — тихо произнесла Бай Су.

Дуань Чанчуань инстинктивно вжался вглубь постели.

Силуэт, заслонявший проход, на мгновение замер от голоса, а затем торопливо зашагал сюда.

В ту же секунду оба замерли.

Вместе с ней в комнату повеяло её фирменным ароматом пионов. Тем самым, что они уже чувствовали раньше — густым, плотным и удивительно уютным.

С этими словами она приложила ладонь к его лбу, проверяя температуру.

Э-э... Нрав у неё оказался крутой, да и тон весьма раздраженный. Было очевидно, что её разбудили и это ей жутко не понравилось.

Посвященный в дела Чанлэ тут же застучал в дверь:

— Ваше Величество? Вы проснулись? С чего это вы вдруг раскашлялись...

В следующий миг женщина отбросила одеяло и поднялась на ноги.

Бай Су сидела рядом с ним, раз за разом мягко поглаживая его по спине. Её движения были нежными и плавными, словно она успокаивала какого-то пушистого зверька.

К тому же, невесть почему... запах пионов, от которого прежде у него невольно слабело всё тело, сейчас казался куда более успокаивающим, чем благовония для крепкого сна.

Дуань Чанчуань сидел и чувствовал, как его одолевает дремота, а голова сама собой клонится к плечу спутницы.

— Только кашель, или еще что-то болит?

Голос женщины раздавался совсем близко — мягкий и приятный.

Чувствуя себя виноватым, Дуань Чанчуань опустил взгляд и пробормотал:

— Сил совсем нет... кхе-кхе, наверное, погода туда-сюда скачет, вот и простудился.

Женщина снова бережно укутала его в одеяло:

— Холодно?

Он покачал головой:

— Терпимо...

— Ну, тогда это межсезонье, да и забот в последнее время невпроворот — вот внутренний жар и поднялся.

Дуань Чанчуань так и подмывало спросить: откуда тебе столько известно про эти мелкие хвори?

И в прошлый раз так было, и теперь...

Бросив взгляд на полускрытый рукавом шрам на её запястье, он вдруг всё понял: видать, с детства хворала, и позаботиться было некому, вот и пришлось освоить кое-какие навыки выживания.

— Лекарь Фан прибыл!

Снаружи раздался голос стражника, передающего известие.

Чанлэ почтительно согнулся в поклоне и осведомился:

— Желают ли Ваше Величество и Государыня одеться, или опустить занавесь, чтобы лекарь осмотрел вас прямо так?

Дуань Чанчуань слегка подтолкнул Бай Су локтем:

— Ступай, оденься.

— Ладно, как скажешь, — отозвалась она.

Затем она навалила за его спиной гору подушек и одеял, убедившись, что ему будет удобно опираться, и лишь после этого сошла с ложа, чтобы одеться.

Стоило спутнице внезапно удалиться, как вокруг тут же повеяло прохладой.

Чувствуя себя неуютно, Дуань Чанчуань теребил край одеяла и время от времени покашливал.

Когда Бай Су оделась и вернулась к постели, чтобы побыть с ним, он наконец велел позвать Фан Мояня и его «ученика».

Осмотр носил чисто формальный характер: симптомы были заранее обговорены, лекарь поверхностно проверил пульс, и на этом всё закончилось.

Больше всего Дуань Чанчуаня волновало, какой вердикт вынесет этот «ученик» насчет аромата.

С того момента, как ученик начал укладывать инструменты для измерения пульса, его глаза то и дело украдкой падали на Бай Су.

— Пульс поверхностный и частый, частота пульса повышенная. Как полагаешь, Жань Цяо, что это значит? — заметив это, Фан Моянь сразу перевел стрелки на неё.

Услышав вопрос, девушка скромно подалась вперед и произнесла:

— Поверхностный и частый пульс указывает на ветер-жар. А учитывая повышенную частоту, Ваше Величество в последнее время сильно переутомились, отсюда и легкий недуг, впрочем, не опасный. Ученица полагает, что если пить побольше горячей воды и как следует отдохнуть, то через два-три дня всё пройдет.

Слушая эти речи, Дуань Чанчуань едва сдерживался, чтобы не прикусить губу, погрузившись в тяжелые раздумья.

Именно этот текст они обговаривали заранее...

Если бы Фан Мяннь и Жань Цяо уловили аромат, исходящий от Бай Су, им следовало сказать: «Нужно выписать отвар»; но если бы оба ничего не почуяли, им полагалось выдать формулу: «Пейте больше горячей воды».

Они ничего не почуяли.

Чанлэ и И Мань тоже утверждали, что от Бай Су никогда не пахло никакими благовониями — только чистым мылом от постиранной одежды.

— Хорошо, я понял, — тихо бросил он. — Чанлэ, проводи лекаря Фана.

— Слушаюсь.

После полудня, сославшись на недомогание, Дуань Чанчуань заперся в кабинете.

Посреди дня заглядывала Вдовствующая императрица — принесла пиалы с супом из птичьих гнезд и груш, посидела недолго и удалилась.

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом переворачиваемых страниц.

Вернувшись после поручения, Чанлэ опустился на колени у стола и принялся растирать тушь.

Дуань Чанчуань искоса бросил на него взгляд и тут же получил крошечную записку.

На бумажке был нарисован красный замысловатый узор — с первого взгляда угадывался почерк Юнь Се.

Бросив взгляд на Бай Су, которая сидела у окна с кистью в руке, он сделал вид, что ничего не произошло, и развернул записку.

Там значилось: [Добудь её личную вещь, завтра на старом месте.]

Личную вещь?

Юноша спрятал записку в тайничок под столешницей и перевел взгляд на сидевшую у окна девушку.

В последние дни она, казалось, усердно училась грамоте: пока Дуань Чанчуань разбирал государственные дела в тронном зале или читал, она устраивалась на кушетке поодаль и читала либо писала.

Сегодня Бай Су снова облачилась в ярко-красное платье, а её мочки украшали длинные серьги с подвесками, усыпанные ярко-алыми корундами — на их фоне её облик казался еще более холодным и ослепительным.

[Неужели она и впрямь презренная дочь наложницы, с которой всю жизнь обращались как с Ак последней служанкой, да так, что даже покончить с собой не давали?]

Глядя на царственную и невозмутимую фигуру за столом, Дуань Чанчуань поймал себя на подобной мысли.

— Мм? Что такое? — женщина словно почувствовала его взгляд, повернулась и спросила: — Горло всё еще болит?

— А... н-нет, не болит, нет, всё в порядке.

Он слишком явно ушел в себя.

Сперва собеседница опешила, а затем издала тихий смешок.

Тихо проронив «ну ладно», она вновь сосредоточилась на письме.

На следующий день, завершив утренний совет, Дуань Чанчуань прямиком направился в Сытяньцзянь.

В прошлый раз он наведывался сюда дней десять назад: двор стоял голым, и лишь сливы пестрели яркими лепестками посреди уныния.

Теперь же, хотя сливовые цветы уже опали, ивы, проспавшие всю зиму в голых ветвях, выбросили первые нежно-зеленые почки, и двор заметно ожил.

Ветерок гладил лицо, ласковый и мягкий.

Сидевший посреди двора юноша в черных одеждах приветливо улыбнулся:

— А вот и пожаловал! Позволь представить: это та самая барышня Жань Цяо, с которой вы уже виделись в прошлый раз. Барышня Жань, а это наш император.

Жань Цяо торопливо поднялась, присела в глубоком поклоне и произнесла:

— Приветствую Ваше Величество.

— Не нужно церемоний, садитесь.

Когда все трое устроились, Юнь Се привычными движениями принялся заваривать и разливать чай.

— Барышня Жань говорит, что ни она, ни лекарь Фан не унюхали на Государыне никакого цветочного аромата. Скажу тебе прямо: нос у нашей Жань Цяо острее любой собаки. Раз она ничего не почуяла, значит, и вправду ничего не было. Но барышня Жань — человек дотошный, пожелала перепроверить, так что я и велел тебе передать весточку. Принес? Дай-ка барышне Жань взглянуть.

Дуань Чанчуань извлек из рукава лоскут красной ткани и протянул Жань Цяо.

— Её личная вещь... от меня-то не пахнет ничем особенным... я просто отрезал кусочек от её воротника. На нем... кхм, на нем аромат еще вполне различим.

Юнь Се уставился на лоскут, по которому сразу было видно, что его грубо отрезали от верхней одежды, и не удержался от звонкого смешка.

Дуань Чанчуань: «??»

Он ткнул приятеля локтем в бок:

— Чего ты ржешь?

— Да так. Представил, как ты шаришь вокруг, вынюхивая чужие интимные вещички, картина та еще... ха-ха-ха. Раз уж додумался ободрать ей одежду, почему бы сразу не срезать нательное белье? Там бы и аромата благовоний сохранилось куда больше, и столько ткани переводить не пришлось бы. Погляди-ка, какое добро испортил — и вышивка тебе искусная, и материал знатный, а жаль.

Юноша вытаращил глаза и принялся горячо возражать:

— Я... с какой стати мне красть женское исподнее! Что за пошлые мысли у тебя в голове, право слово!

Юнь Се щелчком распустил веер и закинул ногу на ногу:

— Эх, ну послушай тогда притчу о том, как молодой монах с наставником с гор спускались. Встретили они женщину, которой нужно было перейти реку, и монах перенес её на спине через брод. Вернулись они в обитель, и молодой монах вопрошает: Учитель, вы же вечно учили нас, что монахам запрещено прикасаться к женщинам, почему же вы сами перенесли её через реку? Угадай, что ответил старый наставник?

Юноша сидел с прямой спиной и бесстрастным лицом:

— Разумеется, сказал, что долг монаха — спасти всех живых существ в мире. А перед лицом Дхармы все равны, будь то мужчина или женщина.

— Мимо. Старый наставник ответил: «Я-то ту женщину давно на землю опустил, а вот ты до сих пор в мыслях её держишь».

С этими словами он сорвал с вазы пышный цветок раннего персика и протянул его одной рукой прямо перед носом Дуань Чанчуаня:

— Я ведь рассуждал здраво и просто перечислил плюсы кражи нижнего белья, с чего ты взял, будто мысли мои порочны? Небо и земля мне свидетели: в моей голове — кристальная чистота, а вот что творится в чужих — большой вопрос.

Дуань Чанчуань:...

Ах ты ж! Иезуитскими методами вздумал его высмеивать!

Он тут же схватил целую вазу, собираясь запустить ею прямо в наглеца.

— Ой-ой-ой, не гневайся ты так! Вазу сделать — труд немалый, да и персики вон как тяжело цвели, с таким трудом распустились.

— А то ведь весь твой тяжкий труд в мгновение ока пойдет прахом!

<http://bllate.org/book/21020/2136746>